

УДК 94 (47)

**РОССИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ И ВЫЗОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И ИСТОРИОГРАФИИ ИССЛЕДОВАНИЯ**

© О. А. СУХОВА

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского,
кафедра новейшей истории России и краеведения
e-mail: suhhov747@yandex.ru

Сухова О. А. – Российская провинция и вызовы модернизации: проблемы методологии и историографии исследования // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 1024–1029. – В статье анализируются проблемы методологии и историографии изучения Пензенского края в общем контексте теории модернизации, истории повседневности и локальной истории. Автор приходит к выводу о начале нового периода в истории краеведческого движения, связанного с реабилитацией традиционных методов историописания, но на новом методологическом основании.

Ключевые слова: локальная история, повседневность, провинция, социокультурное развитие, ментальность, социальная идентичность, историография, модернизация, история Пензенского края в XIX–XX вв.

Suhova O. A. – Russian province and calls of the modernization: problems of methodology and historiography of the researches // Izv. Penz. gos. pedagog. univ. im. V.G. Belinskogo. 2012. № 27. P. 1024–1029. – The problems of methodology and historiography of the study of the Penza region in the overall context of the theory of modernization, the history of everyday life and local history are analyzed in the article. The author concludes that the beginning of a new period in history, local history movement associated with rehabilitation of the traditional methods of historical writing, but on a new methodological basis.

Keywords: local history, everyday life, province, social cultural development, mentality, social identity, historiography, modernization, the history of Penza region in the XIX–XX centuries.

Общее направление движения научной мысли от общего к частному, актуализация проблемы поиска и интерпретации региональных особенностей процесса модернизации предопределили необходимость изучения локального сообщества как системы социальных связей и отношений, меняющихся под воздействием модернизационных процессов, и, одновременно, выступающих факторами последних.

В современном общественном сознании история российской цивилизации за последние три столетия определяется констатацией догоняющего варианта модернизационных процессов, органически не присущих нашему обществу. А сам факт неоднократных попыток изменить ситуацию, совершить модернизационный рывок (в частности, В. А. Мау упоминает о двух «революциях сверху», т.е. реформах, а также о двух полномасштабных социальных революциях: 1917–1929 и 1987–2000 гг.), признается в качестве безальтернативного аргумента в пользу некомплексного (одностороннего) характера российской модернизации, а, значит, выстраивается идея устойчивой зависимости от собственного прошлого [1].

Помимо данного фактора при исследовании вопроса о сложности реализации модернизационных программ в России исследователи называют причины следующего порядка: политика Запада (роль институтов и механизмов управления экономическими процессами, которые позволяют развиваться, но не догонять), а также решение проблем координации, связанных с накоплением знаний, физического или человеческого капитала или качеством институтов субъекта модернизации [3].

Сравнительный анализ содержания социально-экономической политики второй половины XIX – начала XX в. и 1970-х гг. позволил В. А. Мау применительно к российской истории сформулировать понятие «охранительной модернизации», к важнейшим характеристикам которой необходимо отнести: консервацию экономической структуры, консерватизм социально-политической структуры, формирование определённого типа образования, чуждого поиску и творчеству, и, наконец, ограничение контактов с Западом [2]. Применение подобной объяснительной модели, по мнению автора, позволяет выявить главный фактор революции (системного кризиса и распада

государственности) – искусственное торможение модернизации.

Критика формационного подхода в общественности, в самой категоричной форме сужавшего пространство исторических исследований рамками приоритета экономических реалий и классовой борьбы, в последнем десятилетии XX века стимулировала активизацию научного интереса в ином направлении. На первый план была выдвинута проблема характера и особенностей воздействия на ход исторического процесса прежде всего социально-психологических (в отечественной историографической традиции «интерментальных») факторов. Ломка стереотипов общественного сознания разрушила и прежнюю методологию истории, а создание новой акцентировало внимание ученых в первую очередь на постановке проблемы «Человека» как субъекта культуры, как родового, социального существа. Культура при этом рассматривается не только в виде совокупности результатов человеческой деятельности, но и как специфический способ организации и развития таковой, принципиально отличающийся от биологических форм жизни.

В это время отечественная историческая наука заново открыла для себя как достижения российских и зарубежных исследователей рубежа XIX–XX вв. в сфере изучения универсальных установок сознания и мотивации человеческой деятельности, так и опыт реконструкции истории в её целостности (представленный, в частности, в трудах французской школы «Анналов» или «Новой исторической науки» в лице Л. Февра, М. Блока, Ж. Ле Гоффа).

Одним из наиболее эффективных способов решения данной проблемы следует рассматривать реконструкцию системы социальных представлений и стратегий поведения в их историческом развитии, что позволит выявить меру соответствия «базовым инстинктам народа» и меру противодействия «почвеннической составляющей» реформационным начинаниям. Продолжение социальных реформ в России, разрешение противоречий, вызванных некомплексностью модернизации, завершение процесса формирования современного индустриального (modernity) и создания основ постиндустриального (post-modernity) общества напрямую зависит от степени включённости в этот процесс ментального потенциала нации.

Частным выражением новой парадигмы гуманитарного знания становится история повседневности, возникшая в русле отдельных новационных подходов ещё во второй половине XIX–XX вв. и вступившую в период методологического оформления в последнее десятилетие. Это направление фокусирует внимание исследователя на изучении человеческой обыденности в её различных контекстах (историко-культурных, политико-событийных, этнических, конфессиональных и пр.). Типологической особенностью истории повседневности предстаёт анализ повторяющегося, «нормального» и привычного, конструирующего стиль и образ жизни представителей различных слоёв, включая их эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения [4].

Проанализировав концепции повседневности в трудах зарубежных историков культуры, Б. Т. Гатаева в качестве важнейшего компонента для определения категории повседневности выдвигает ментальную интерпретацию «бытия-друг-с-другом» – «бытия-с-природой», выступающую неотъемлемой характеристикой данной социокультуры, общепринятых установок сознания и стратегий поведения [5].

И, наконец, ещё одним теоретическим подходом или совокупностью методов исследования в данном направлении предстаёт новая локальная история (New Local History), в рамках которой происходит осмысление локальных сообществ в качестве субъектов исторического процесса («история места, под которым понимается не территория, а «микросообщество», совокупность людей, осуществляющих определённую историческую деятельность»; С. А. Гамаюнов). Базовыми конструктами новой локальной истории признаются как социальная роль индивидуума, стереотипы поведения в социокультурном, бытовом, природно-географическом и геополитическом контекстах обживаемого им пространства (новое толкование концепта «культура» как категории социальной жизни), так и история изменения форм, структур и функций самого локального пространства (С. И. Маловичко, М. П. Мохначева, М. Ф. Румянцева и др.) [6, 7]. Во взаимодействии этих элементов и рождаются уникальные связи локальной общности (социальной системы) и пространства, подверженные изменениям и, одновременно, выступающие в роли факторов социальной динамики. Данное направление появилось в результате освоения российской исторической мыслью мирового научного опыта на рубеже XX–XXI вв. и было воспринято из британской историографии (творчество Ф. Адамса, А. Кросби и др.; деятельность Британской ассоциации локальной истории), пополнилось новыми междисциплинарными подходами и исследовательским инструментарием. Процесс институционализации нового направления в нашей стране начался в 2002 г., когда силами ставропольских (Ставропольский государственный университет) и московских (РГГУ, МСХА имени К. А. Тимирязева) исследователей был создан одноимённый межвузовский научно-образовательный центр. В последующие годы состоялся ряд научных интернет-конференций, посвящённых разработке теоретических основ новой локальной истории [8].

Новая историографическая парадигма позиционирует себя как способ преодоления антикваризма и эрудизма традиционного краеведческого историописания и располагается в исследовательской области новой социально-культурной истории. С другой стороны, широкий предметный ряд (труд, быт, обыденное сознание, гендерные роли и пр.) воспринимается как попытка отказаться от «аналитичности» в пользу «описательности», которая правомерно реабилитируется в данной области. В качестве нового звучания предстаёт сам факт реальной жизни, а переход от доминирования умозрительных схем к «истории подробностей жизни» только приветствуется [9. С. 130].

Противовесом «размазывания», бесконечного фрагментирования локальной истории (в том случае, когда описание факта превращается в самоцель), на наш взгляд, может выступать не только структурирование повседневности в виде наложения определённых матриц (социально-экономических отношений, ценностей, структуры материальной среды, социальной стратификации, культуры, занятий и пр.) [10], но, прежде всего, выявление и анализ связей и взаимозависимостей, определяющих как общие, типичные, так и частные характеристики культурного контекста. Факт в этом отношении будет интерпретироваться двояко: как признак потенциальных изменений социокультурной реальности, а также в качестве маркера при обнаружении следов субъектной значимости для индивида тех или иных событий, явлений, процессов.

Совершенно особую роль в изучении локальной истории играют массовые источники личного происхождения (в формате письменной и устной фиксации). Речь идет, главным образом, о документах, тяготеющих к определённой, многократно повторяемой форме и связанных однотипностью происхождения: материалы анкетирования, некоторые формы отчетной документации первичных управленческих звеньев (например, отчеты приходского духовенства), источники эпистолярного жанра (частная переписка, обращения во власть) и др. Структурирование категорий высказываний (секвенций), выявление иерархических связей, полученное методом контент-анализа, позволяет исследователю заглянуть в область, которая находится за фактом и часто не фиксируется осознанно.

В качестве примера можно упомянуть крестьянские приговоры, направляемые в адрес Государственной Думы в период Первой русской революции; материалы анкетирования населения, проводимого; вопросные листы министерства земледелия Временного правительства (время распространения апрель – август 1917 г.); анкеты губернских Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, поступившие в волостные советы весной 1918 г. и т.д. [11].

Рассматривая такой род документов, явно тяготеющий к стандартизированному описанию, к формуле, как анкета (либо отчетная документация, выполненная по типу анкеты), необходимо учитывать именно формальные признаки строения текста, цель и характер проведения анкетирования в данном случае значения не имеет. Поэтому к этой разновидности письменных источников можно отнести на равных условиях как материалы анкетирования, констатировавшие определённое состояние объекта исследования, так и предвосхищавшие будущее общественное устройство. Так, в фондах Пензенского краеведческого музея (ПГКМ) находятся на хранении данные обследования 66 населённых пунктов, полученные в ходе проведения Российской Академией истории материальной культуры в 1923–1925 гг. анкетного обследования на тему: «О влиянии войны на быт населения» [12]. Обращение к этим материалам позволяет не только обнаружить следы изменений в повседневной жизни российской деревни, но и определить механизмы,

каналы заимствований, направление трансформации содержания социальных представлений, ментальных конструктов коллективного сознания. С другой стороны, анкеты для коллективного опроса сходов, обществ и волостей (чаще всего оформляемые опять-таки приговорной практикой) на предмет предстоящей земельной реформы в преддверии выборов в Учредительное собрание [13], в большей степени характеризуют социальный идеал в плане возможного переустройства экономических отношений, что, в свою очередь, помогает более объективно определить следы и меру присутствия, воспроизводства в корпоративном сознании так называемого «общинного архетипа».

Письменные свидетельства подобного рода создают уникальную возможность реконструировать содержание системы политических представлений, определить факторы его динамики, способы и характер взаимодействия крестьянского и других типов общественного сознания, выяснить сопряженность в рамках группового сознания отдельных форм или способов его проявления.

Территориальная локализация предмета исследования (в противовес этнической истории) предполагает детальную проработку критериальных параметров, позволяющих интерпретировать такие понятия, как «регион» или «провинция» (выявить или опровергнуть их синонимичность и пр.). Последующая проработка теоретических основ опосредует появление двух диаметрально противоположных подходов к определению сущностных черт «провинциальности» (локальности). С одной стороны, в качестве основы провинциальной российской социокультурной среды преподносится сельская повседневность (деревнецентричный подход), а, с другой, – городская (городоцентричный подход) [14].

Так, в монографии Н. М. Инюшкина провинция рассматривается как особый феномен, особая характеристика культурного ландшафта страны-системы. В пространстве, которое не делится диахронически на «центр – не-центр», а включает в себя «центр – провинцию – периферию – границу», именно провинция видится как зона определённой гармонизации, балансировки центробежного и центростремительного в большой системе» [15. С. 20].

Срединное положение провинциальной культуры, зафиксированное автором, предполагает возведение города в ранг идентификатора провинциальности [15.С.23]. Это позволяет определить основной конфликт, укрывающийся в понятии «провинция»: город срединной культуры одновременно копирует столичный образ жизни, новые смыслы и ценности, но вместе с тем, формирует некую самость, противостоящую «столичным нравам» и отличную от них. Именно этот конфликт и определяет социальную динамику локального сообщества, а, по большому счету, и всего социума в целом. Как отмечает Н. М. Инюшкин, «... провинция, ее культура оказываются своеобразным контрольным пространством, той ареной, где история, время наиболее трезво и реально, по «гамбургскому счету» проверяют ценность, устойчивость и плодот-

ворность того, что пробует человечество для своего наилучшего жизнеустройства и духовного воплощения» [15. С. 432]. Впрочем, подобное значение провинции легко девальвируется в условиях цивилизационной гипертрофии центра по отношению к провинции (неравномерность экономического, социокультурного развития в целом).

Констатация городского происхождения провинциальности находит свое подтверждение в эмпирических исследованиях. Так, в ходе исследования, проведенного в с. Подгорное Романовского района Саратовской области, было выявлено, что осознание принадлежности к местной идентичности как к социокультурному и территориальному образованию в значительно большей степени присуще городскому населению [14]. Однако локальную историю (историю провинции) не следует отождествлять только с социально-рефлексивной деятельностью определённого плана, акцентируя внимание исключительно на проблеме поиска следов идентичности в общественном сознании. Темпорально-пространственная локализация истории необходима при решении исследовательских задач различного уровня. В этом ключе осознание провинциальности, провинциальность как фактор социальной динамики следует рассматривать значимыми частями предметной сферы истории повседневности, значимыми, но не исключаящими выходы в сопредельные области научного знания, в том числе, на уровень микро- и макроистории.

Одним из частных выражений подобного подхода выступает изучение провинциального измерения модернизации. Оппозиция «столица – провинция» представлена противостоянием модернизирующего центра и мира провинции, подвергающегося модернизации. Уникальные ментальные характеристики усвоения нового, факторы модернизации, действующие в конкретно-исторических условиях на определённой территории, своеобразие темпов модернизации и методов реализации модернизационных программ определяют собой содержание предмета исследования.

В деле изучения проблем модернизации российской провинции, понимаемой методологически широко, как процесс становления и смены культурно-исторических типов восприятия нового, сделаны пока ещё первые шаги. Попробуем проследить основные вехи формирования историографии вопроса на примере Пензенского края. В ходе детального анализа краеведческой литературы удалось выделить четыре этапа в процессе выработки предмета исследования и методологии его изучения: 1900 – начало 1920-х гг.; 1920 – начало 1950-х гг.; вторая половина 1950-х – 1980-е гг.; и, наконец, конец 1980-х – начало 2000-х гг.

Первый этап характеризуется определёнными успехами в деле организационного строительства краеведения как истории локального сообщества. В начале XX в. в научный оборот были введены новые документальные источники, появились научные учреждения, специализировавшиеся на изучении истории края: Пензенская ученая архивная комиссия (ПУАК) в составе: В. Х. Хохрякова, В. П. Попова, А. С. Хвоще-

ва, Г. П. Петерсона, А. Ф. Селиванова, В. А. Волжина, А. В. Касторского, В. Н. Ладыженского, а также Пензенское общество любителей естествознания (ПОЛЕ; Ф. Ф. Федорович, И. И. Спрыгин, А. Н. Магницкий, Д. Ф. Попов, П. М. Иллюстров и др.). Первые результаты осмысления задач и методов краеведческой работы проявились в создании архива, обобщении и систематизации материалов, издании научных трудов.

После реорганизации в 1923 г. задачи изучения локальной истории были определены Пензенским обществом любителей естествознания и краеведения (ПОЛЕКр) как: комплексное изучение населения Пензенской губернии, охрана памятников природы, быта, старины и искусства. В центре внимания оказалось именно локальное сообщество, существующее в определённой социокультурной среде. Темпорально-пространственные характеристики обнаруживали тяготение к Пензе как центрообразующему феномену культуры провинции при определении социальной идентичности. В 1926 г. на базе естественноисторического музея была проведена первая краеведческая конференция, подытожившая усилия «культурных гнёзд» в деле осознания всей совокупности социальных связей, формирующих локальное пространство. Своим прямым результатом краеведческое движение имело численное увеличение собственных рядов. Так, в 1905 г. в состав ПОЛЕ входили 54 члена, в 1916 – 237, в 1923 – 180. [16. С. 465]. Деятельность организаций и объединений краеведческой направленности (историко-краеведческие общества, Пензенский научно-исследовательский институт краеведения), прошедших через горнило реорганизаций рубежа 1920-х–1930-х гг., была полностью прекращена в эпоху сталинского террора. Основным противоречием эпохи становится конфликт горизонтальной и вертикальной организаций культурного ландшафта. Однако именно в эту эпоху формируется традиция изучения региональных аспектов социокультурной трансформации. Проблемы модернизации (в марксистской трактовке в контексте перехода к коммунистической формации) исчерпывались вопросами изучения революционного движения и социалистического строительства. В условиях утверждения монополии большевиков на власть вектор идеологических предпочтений оказался жестко ориентирован на изучение истории революционного движения и истории вдохновителя и организатора последнего – РСДРП (б) / ВКП (б) [17]. Необходимо признать, что эта и связанная с ней тематика подменяла собой все многообразие жизни местного населения. В рамках разрабатываемой концепции партия большевиков обладала исключительным правом присвоения результатов социального развития: успехи в деле развития экономики, достижения культуры и пр. можно было объяснять только эффективным управлением и организующим гением партии.

Публикационная деятельность особенно активизировалась во время первых значительных юбилеев российских революций [18].

Середину 1950-х гг. можно выделить как определённый рубеж в историографии истории Пензен-

ского края XX века и по причине появления первых периодических сборников научных трудов, что, безусловно, послужило существенным стимулом к исследованиям краеведческого характера (Ученые записки ПГПИ им. В. Г. Белинского; 1953–1964). Впрочем, жестко очерченная схема большевистского канона задавала правила игры и местным историкам и краеведам. Так, при рассмотрении вопросов социально-экономического развития Пензенской губернии в пореформенный период исследователи в первую очередь должны были решать задачу поиска аргументов экономической обусловленности Октябрьской революции [19].

Вплоть до начала 1990-х гг. спектр краеведческих исследований был ограничен вопросами партийного и социалистического строительства, руководящей ролью коммунистической партии в революционной борьбе и мирном созидании трудящихся. В этом отношении больше «повезло» средневековой и новой истории края, где влияние идеологических установок было весьма ограниченным. В 1973 г. коллектив авторов (А. Ф. Дергачев, Е. Я. Дмитрук, Н. В. Караульных, В. И. Лебедев, Е. С. Фрейдина, В. А. Мочалов, В. С. Годин, Г. Ф. Винокуров) подготовил «Очерки истории Пензенского края. С древнейших времен до конца XIX века». Это издание обобщило опыт нескольких поколений краеведов и по сей день не утратило своей научной ценности.

Исследователи же советской истории практически были лишены возможности авторского прочтения и толкования источников, что приводило к появлению искаженных оценочных суждений, нередко граничивших с вымыслом. В 1950-х–1980-х гг. выходит множество сборников документов и материалов, к работам же обобщающего плана по истории советского общества и государства можно отнести лишь несколько изданий.

XIX–XX вв. были представлены главным образом работами по истории развития производительных сил, революционных выступлений, народнического движения, революций, социалистического строительства в Пензенской губернии/области. В этот период проблематикой, связанной с историей региона XIX–начала XX вв. занимаются А. Ф. Дергачев, В. И. Лебедев, Г. Ф. Винокуров, В. П. Догаева, В. Ф. Морозов, А. С. Касимов, В. Б. Семенов, В. А. Власов, А. В. Тюстин.

Издательская деятельность активизировалась в области лишь в 1990-е гг., несмотря на все сложности переходного периода. Появился ряд периодических изданий, таких, как «Из истории области», межвузовский сборник научных трудов «Исторические записки» (изд. с 1997 г., ред. В. И. Первушкин; А. В. Первушкин), был издан учебник для общеобразовательных учреждений «История Пензенского края», увидели свет новые журналы: «Земство» (изд. с 1994, ред.-изд. Е. В. и В. И. Мануйловы), «Губерния», «Пензенский временник любителей старины» (изд. с 1991, ред. А. И. Дворжанский), «Краеведение», «Пензенские епархиальные ведомости» и т.д.

Дополнительным стимулом для развития новейшей истории края послужило открытие в ПГПУ им. В. Г. Белинского в 1994 г. диссертационного совета по историческим наукам. За период с 1993 по 2007 гг. здесь было защищено более 120 диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Краеведческая тематика разрабатывается преподавателями исторических кафедр пензенских вузов. Самый поверхностный анализ библиография новейшей истории Пензенского края свидетельствует о том, что наиболее разработанными периодами в истории края XX столетия являются первые революционные десятилетия, а также 1920-е гг. – время осуществления новой экономической политики. Изучение последующих временных отрезков находится ещё в стадии формирования корпуса источников и методологии исследования.

В числе приоритетов современных исследователей следует выделить, прежде всего, социально-экономическую историю края (аграрная проблематика представлена в трудах В. В. Кондрашина, О. А. Суховой, А. В. Тишкиной, А. Е. Ульянова; темой изучения промышленного развития региона и положения рабочего класса занимаются Н. А. Шарошкин, А. С. Касимов, Е. В. Воейков, Т. Н. Кузьмина, А. Ф. Никитин, И. Н. Камардин; историей кооперативного движения – О. В. Ягов). Постепенно формируются новые подходы в деле исследования социального протеста, революционных выступлений (В. В. Кондрашин, О. А. Сухова). Усиливается внимание к изучению механизмов властно-политического регулирования, всего спектра взаимоотношений власти и общества, репрессивной практики советского государства с учетом изменившейся методологии истории (В. Ю. Карнишин, И. Н. Камардин, Г. В. Гарбуз и др.). Новым явлением в современном краеведении стала активизация исследовательского интереса в сфере истории повседневности и гендерных аспектов (Л. В. Лебедева, В. Н. Паршина, Т. Ю. Новинская, Л. В. Рассказова), истории религии и церкви (А. И. Дворжанский, И. И. Маслова, М. Ю. Садырова, Э. Д. Малокова). Защищены первые диссертационные исследования, посвященные системному кризису и социальной революции конца XX века (О. В. Мельниченко, Р. А. Якупов).

Значительным событием в культурной жизни региона стало возобновление в 1989 г. проведения конференций по историческому краеведению, теперь и на всесоюзном или всероссийском уровне (II; 1989), (III; 1995), (IV; 2000), (V; 2005)).

Появляются масштабные проекты по введению в научный оборот новых источников, ранее недоступных исследователям. В частности, в рамках проекта «Пензенский край в документах и материалах», поддержанного РГНФ, авторским коллективом в составе В. В. Кондрашина, Т. А. Евневич, П. В. Кашаева, С. В. Белоусова, С. Л. Шишлова, В. В. Первушкина в 2005 г. была проведена работа по подготовке первого тома из запланированной серии документальных сборников по истории Пензенской области.

Таким образом, к началу нового тысячелетия в научный оборот были введены значительные массивы неопубликованных ранее источников, сформировались новые поколения исследователей, обозначен вектор исследований, осознана настоятельная потребность как в формировании и публикации корпуса источников, так и в написании обобщающих работ, выполненных в русле самых современных методологических подходов (социокультурного, историко-антропологического, культурно-антропологического, новой локальной истории).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мау В. А. Преемственность и прерывистость модернизации российской экономики в эпохи революций // Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития. М., 2007.
2. Мау В. А. Модернизация в условиях политической стабильности (Реформы второй половины XIX в.: логика и этапы комплексной модернизации) // Вопросы экономики. 2009. № 9.
3. Полтерович В. М. Общество перманентного перераспределения: роль реформ // Пути России: двадцать лет перемен. М., 2005.
4. Пушкарева Н. Л. «История повседневности» как направление исторических исследований [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/history/istorija_povsednevnosti_kak_napravlenije_istoricheskijh_issledovanij_2010-03-16.htm.
5. Гатаева Б. Т. Концепции повседневности в зарубежной культурологии // Россия – Запад – Восток: компаративные проблемы современной философии. М., 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/gataeva/ru>.
6. Маловичко С. И. Интеллектуальная история и разработка теоретической базы новой локальной истории в России // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. М., 2007. С. 132–133.
7. Румянцева М. Ф. Новая локальная история и современное гуманитарное знание // Новая локальная история. Ставрополь – Москва, 2006. Вып. 3. С. 271–275.
8. Межвузовский научно-образовательный центр «Новая локальная история» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newlocalhistory.com>
9. Кузнецова О. В. История повседневности на локальном уровне: подходы и трудности // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 21. С. 128–133.
10. Сенявский А. С. Повседневность как методологическая проблема микро- и макроисторических исследований (на материалах российской истории XX века) // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.auditorium.ru/v/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&CounterThesis=1&id_thesis=9.
11. ГАПО. Ф. р-2. Оп.1. ДД. 85–94, 100.
12. ПГКМ. Н. а. № 88.
13. ГАПО. Ф. 486. Оп.1. Д. 23; ДД. 33–41.
14. Дзякович Е. В. Подходы к исследованию провинции как социокультурного, ментального и кроссрегионального феномена // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/-4-2010/sociologiya/dzyakovich.pdf>.
15. Иношкин Н. М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004.
16. Пензенская энциклопедия. М., 2001.
17. Никишин П. О. 1905 год. Пенза, 1925; Очерки по рабоче-крестьянскому движению в Пензенской губернии. Пенза, 1925; Его же. Рабочее и профессиональное движение в Пензенской губернии: Материалы к истории: 1850–1918 гг. Пенза, 1927.
18. Кузьмин А. З. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. Пенза, 1955; Революционная борьба трудящихся Пензенской губернии в 1905–1907 гг.: Сборник документов. Пенза: Кн. изд-во, 1955; Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии: Сборник документов и материалов. Пенза, 1957; Цветков А. Пензенские большевики в период первой русской революции 1905-1907 гг. Пенза, 1960.
19. Сумерин П. Г. Краткий очерк дореволюционной экономики сельского хозяйства Пензенской губернии // Ученые записки ПГПИ. П., 1956. Вып. 3.; Его же. Промышленность Пензенской губернии в дореволюционный период (1851–1913) // Там же. П., 1958. Вып. 5.